

С. В. Дьячков

Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг.

Во второй половине XIII в. Генуя, пользуясь слабостью чахнувшей Византии, прорвалась в Черное море и основала несколько хорошо укрепленных факторий с целью освоения весьма перспективного рынка и утверждения своего контроля над важной ветвью Великого Шелкового пути. Демонстрируя чудеса дипломатического слалом и политической беспринципности, в условиях жесткой конкуренции с Венецией, ловко маневрируя между интересами византийских императоров, ордынских ханов, князей Феодоро и усилившихся турков-османов, генуэзцы на протяжении почти двухсот лет извлекали немалые барыши из своих владений в Причерноморье.

Непосредственно над входом в Балаклавскую бухту, на крутых склонах горы Кастрон расположена генуэзская крепость Чембало, долгое время остававшаяся «белым пятном» на археологической карте Крыма. В советское время в бухте была размещена база Черноморского флота и город имел закрытый статус. В связи с этим обстоятельством наши сведения о Чембало ограничивались лишь данными нарративных источников, а также немногочисленных эпиграфических памятников, сохранивших свидетельства об основных вехах истории этой генуэзской колонии, которая в XIV–XV вв. являлась важным форпостом Генуэзской Газарии — владений лигурийцев в Крыму.

Вероятно, во второй половине XIII–начале XIV вв. у входа в Балаклавскую бухту возникло поселение, а затем и крепость Чембало (рис. 1). На морских картах этого времени город зафиксирован как *Cenbalo*, *Sinbalo*, *Zinbalo*, *Cenblona*, *Cembano*, что, вероятно, является итальянской калькой греческих названий Сямболон и Ямболи [1, с. 59]. Уже в середине XIV в. генуэзцы строили здесь навы [2, с. 10, ASG AS 3021 DF 1, № 60/85] — основной тип судов, предназначенных для транспортировки тяжелых грузов [3, с. 20–21]. Чембало контролировала участок побережья Крыма от мыса Сарыч до залива Каламиты и далее вверх по течению реки Черной до Крымских гор.

Первоначально возник город св. Николая (Верхний город), над которым возвышалась пятнадцатиметровая башня консульского замка. Здесь же, вероятно, располагались ратуша, помещения для охраны и прислуги. Еще в середине XIX в. руины замка доминировали над входом в Балаклавскую бухту. Сейчас на месте замка расположен рейдовый пункт наблюдения погранвойск Украины, в сооружениях которого частично используются средневековые стены.

На террасах северного склона горы, в посаде и примыкавших к нему слободах теснился разноязыкий люд. Жители Чембало обслуживали нужды генуэзской администрации, в поте лица трудились в судоверфях, на рыболовных промыслах, известных во всем Причерноморье, в ремесленных мастерских и торговых лавках, на полях и виноградниках, примыкавших к фактории с севера.

С целью проведения археологических исследований на территории крепости Чембало в 2000 г. была создана Объединенная археологическая экспедиция Харьковского

Рис. 1. Гора Кастрон и крепость Чембало (вид с северо-запада)

национального университета им. В. Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (руководитель работ со стороны заповедника — Н. А. Алексеенко). В 2001 г. к работе экспедиции подключились учащиеся и преподаватели Харьковского университетского лицея. Экспедиция сосредоточила свои усилия на раскопках консульского замка крепости. В 2002 г. к раскопкам приступила Южно-Крымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) и Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины (Симферополь), которая начала работы по изучению внешней линии обороны города Чембало и, прежде всего, двух объектов памятника — угловой генуэзской башни Барнабо Грилло и главных крепостных ворот [4; 5; 6].

Настоящая публикация носит предварительный, информационный характер, поскольку результаты раскопок требуют длительного и специального изучения.

Объединенная экспедиция начала раскопки с исследования руин небольшой церквушки. Известно, что средневековый храм является своеобразным синтезом архитектуры, обряда, социума. Материалы раскопок культовых сооружений представляют значительный интерес для исследования духовной, общественно-политической и повседневной жизни средневекового сообщества.

Церковь была возведена в пределах города св. Николая, на крутом западном склоне горы консульского замка (высотная отметка 72,8), непосредственно над входом в бухту, к северо-востоку от мыса Балаклавский, на высоте 45 м над уровнем моря. Храм, вероятно, был составной частью комплекса сооружений консульского замка. Это обстоятельство позволило условно назвать его «Консульской церковью». Ее местоположение позволяет предположить, что храм был посвящен св. Николаю — покровителю и защитнику мореходов.

Архитектура объекта проста. Это зальная церковь — прямоугольный в плане храм с алтарной частью в виде полукруглой апсиды. Церковь ориентирована апсидой на юго-восток. Размеры церкви по ее внутренней части без учета толщины стен — 6,1×11,5 м. Сохранившаяся высота стен храма — от 0,3 до 2,8 м, толщина — 0,65–0,75 м. Поэтому внутреннее пространство церкви было условно разделено на три участка: «апсида», «наос», «притвор».

В условиях сложного скалистого рельефа местности и отсутствия места для отвала вести раскопки одновременно на всей площади храма не удалось. С внешней стороны северо-восточной стены к церкви примыкает пристройка из двух помещений (рис. 2). Церкви аналогичной архитектуры являются весьма распространенным типом провинциального византийского храма, столь характерного для Таврики XII–XVI вв.

Анализ архитектурных особенностей, археологических напластований и находок, сделанных в процессе раскопок, позволяет полагать, что храм функционировал в генуэзский период истории Чембало (XIV–XV вв.), а также продолжительное время после захвата крепости турками-османами в 1475 г. Церковь неоднократно перестраивалась. В частности, к северо-восточной стене церкви были пристроены помещения 1 и 2, между которыми некоторое время существовал проход, заложенный позднее. Северо-восточная и юго-западная стены были укреплены пилонами [7, л. 19, рис. 46, 50], что, возможно, связано с мощным землетрясением 1423 г. [8, с. 6–7] либо с бурными событиями чембальского восстания, спровоцированного правителями Феодоро [9, с. 161]. После захвата Чембало турками-османами в 1475 г. над первоначальным известняковым полом церкви соорудили каменную вымостку. В целом, строительная история «Консульской церкви» должна стать предметом специального архитектурно-археологического исследования.

Стены церкви сложены из разномерного местного, необычайно плотного, трудно поддающегося обработке камня с грубой подтеклой лицевых граней. Камень для строительства замка и церкви добывался, вероятно, на месте — в седловине между двумя вершинами горы [6, с. 37]. Техника кладки — рядовая, трехслойная, двухлицевая, постелистая. Пустоты между камнями заполнены мелкими необработанными камнями.

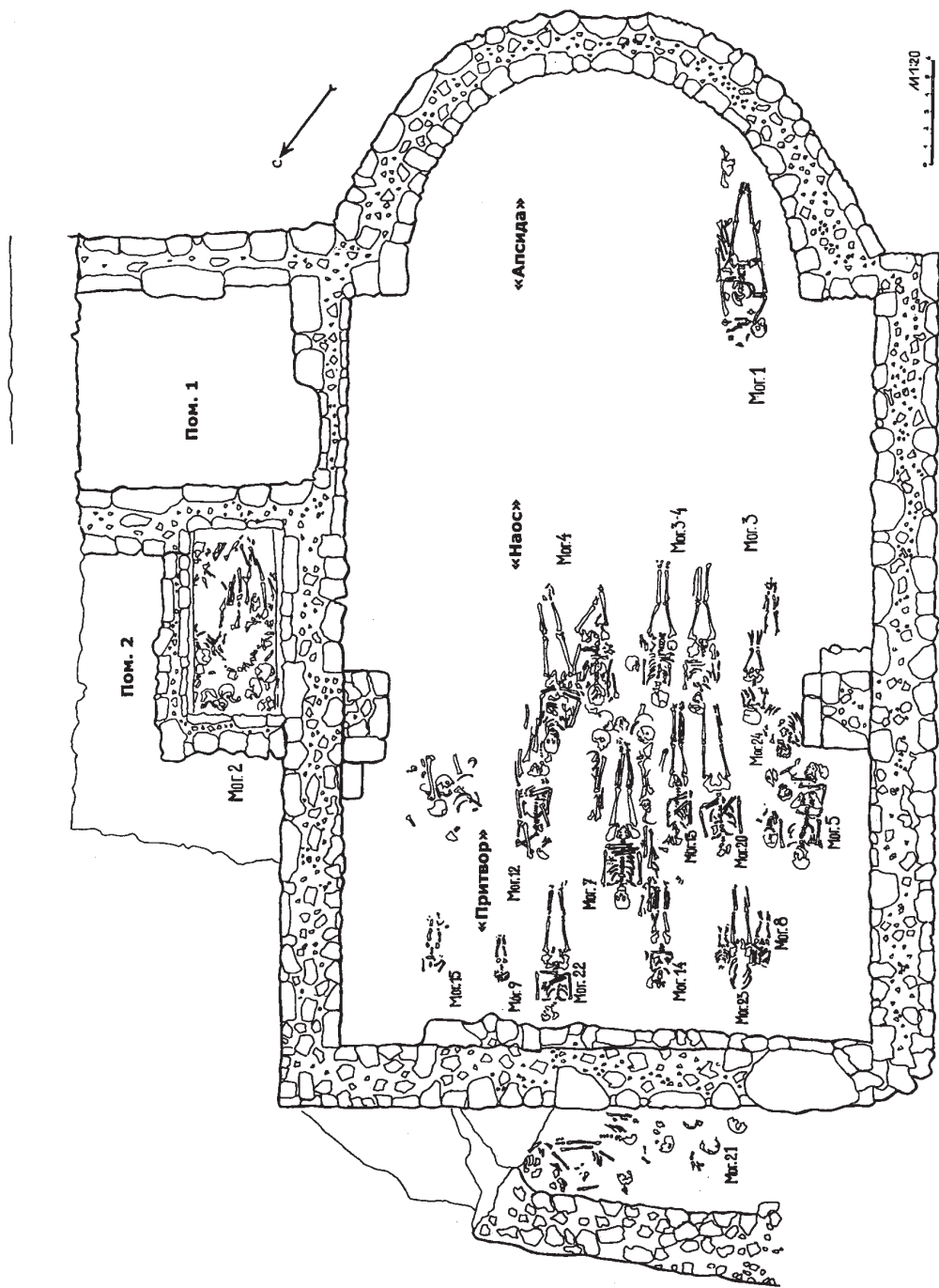

Рис. 2. «Консульская церковь». План

Камни кладки стен скреплены известковым раствором, который замешан на крупном морском песке. В углах кладки, а также при сооружении пилонов широко применялись известняковые блоки правильной формы вторичного использования. Такое применение камня из построек предшествующих периодов придавало сооружению дополнительную прочность [10, с. 83–84]. Внешний и внутренний фасады стен были покрыты прочным слоем штукатурки, во многих местах сохранившейся до сих пор.

Важной частью интерьера были фресковые росписи, украшавшие, вероятно, всю внутреннюю поверхность стен здания. Многочисленные измельченные фрагменты фресок обнаружены в ходе раскопок различных участков храма. Использовались белая, черная, желтая, красная, различные оттенки коричневой, реже голубая и зеленая краски. Остатки росписи позволяют полагать, что стены церкви были украшены растительно-геометрическим орнаментом, а также сюжетной росписью. Фрагменты фресковых росписей из «Консульской церкви» нуждаются в дальнейшем специальном исследовании. В 2004 г. раскопками Южно-Крымской экспедиции в восточном углу барбакана главных крепостных ворот Чембало обнаружено сокрытие остатков фрески с поясным изображением Богоматери Одигитрии [6, с. 21, 39, рис. 59–66, 132]. По мнению специалистов, фреска принадлежит кисти византийского мастера константинопольской художественной школы и может быть датирована серединой XIV в. [11, с. 70–73]. Сопоставление фрагментов фресковой росписи, обнаруженных в «Консульской церкви» [12, с. 17–18, рис. 65–67], с фреской Богоматери Одигитрии действительно позволяет предположить, что первоначально фреска была снята со стены этой церкви и сокрыта в барбакане городских ворот [6, с. 39]. Возможно, ее просто не успели или не смогли вынести за пределы города во время захвата Чембало османами.

Раскопки в «Консульской церкви» начались с удаления остатков каменной вымостки (рис. 3), частично перекрывавшей площадь внутреннего пространства храма. Всего удалено, промаркировано и сложено в штабель (для дальнейшей реставрации памятника) 167 известняковых плит преимущественно прямоугольной формы. Все плиты хорошо обработаны: камень пиленый, тесаный, обработанный скапелем. Характер и особенности камней вымостки не оставляют сомнения в том, что это строительный материал вторичного использования, изъятый из кладок больших сооружений, вероятно, общественного или культового назначения. Был использован привозной известняковый камень, который первоначально предназначался для правильной и достаточно сложной кладки. Большинство камней пола не содержали следов извести или другого связующего раствора. Не исключено, что часть камней была изъята из постройки античного или византийского времени, расположенной поблизости.

Среди камней вымостки необходимо выделить обломки четырех колонн, выполненных из мягкого инкерманского камня. Восьмигранные в плане стволы колонн имеют плоские боковые стороны и две выпуклые трехгранные стороны. Плоские стороны колонн гладкие, хорошо обработанные. Три грани выпуклых сторон украшены врезным, рельефным, геометрическим орнаментом в виде зигзага, а углы основания колонн — врезными листьями аканфа. Очевидно, эти архитектурные детали имели исключительно декоративный характер и устанавливались в местах, где можно было использовать неповторимую игру света и тени, передававшуюся изломами орнамента [13, с. 253, рис. 2]. Обычно так оформляли фасады зданий и порталов, трифориев готических соборов. Этот прием применялся в декоративном убранстве дворцовых и храмовых сооружений в странах византийской и западноевропейской средневековых цивилизаций. Например, аналогичные колонны использовались при оформлении монастырского дворика кафедрального собора в Монреале (Сицилия) [14, с. 516–517] и надгробия папы Клементя IV в церкви Сан Франческо в Витербо (XIII в.) [15, с. 162, рис. 122]. Стилистически похожая база колонны была обнаружена при раскопках т. н. «медресе» в Солхате [16, с. 36]. Извлеченные из пола четыре фрагмента каменной обкладки ланцевидного окна позволили установить ширину оконного проема — 0,55 м.

Рис. 3. Фрагмент каменной вымостки пола церкви

Среди известняковых плит вымостки пола были обнаружены две архитектурные детали, на лицевых сторонах которых были высечены рельефные изображения герба (рис. 4). Обнаруженный в «Консульской церкви» треугольный остrokонечный герб по своему типу относится к числу старофранцузских гербов. Во главе (Chef) щита вырезан генуэзский крест, что не оставляет сомнений в принадлежности владельца герба к государственной номенклатуре Генуи. На щите вырезан лев, стоящий на задних лапах в агрессивной позе, его голову венчает корона. Лев — типичная эмблема гвельфов, пополанской партии Генуи [17, с. 13]. В одном случае зверь повернут вправо, в другом влево. С геральдической точки зрения обнаруженный в Чембало герб в полной мере отвечает рекомендациям средневековых юристов [18, с. 317].

Геральдические щиты с изображением в верхней части герба генуэзской республики использовали многие генуэзские фамилии. В частности, на закладных плитах в Амастрии высечены родовые гербы генуэзских семейств *Voccanegra*, *Poggio*, *Malaspina* [19, p. 135, fig. 2; 20, с. 123–131].

Генуэзские лапидарные памятники из Солхата, Каффы, а также из Малой Азии сохранили изображения гербов, на щитах которых вырезаны стоящие львы. По мнению Е. Скржинской, лев, аналогичный Балаклавским находкам, был родовым знаком генуэзского клана Газано. Он высечен на плитах строительных надписей из Каффы и Амастрии [21, p. 135, fig. 2; 20, № 8, 10, 11]. Например, на плите 1384 г. из Каффы вырезана тамга Джучидов, крест Генуи, герб дожа Антонио Адорно, гербы консула Пьетро Газано и массариев-провизоров Якобо Спинола ди Луколи и Бенедетто Гримальди [22, с. 80]. Ведущие позиции генуэзской администрации в Газарии удерживали за собой представители нобилей. Фамилия Газано в стеммариях генуэзской знати не упоминается [17, с. 6–7]. Тем не менее очевидно, что семья Газано играла заметную роль в жизни колоний. В частности, герб этой семьи вырезан на одной из мраморных плит, украшавших стены

Амастры в XV в. [19, р. 136]. Не исключено, что кто-либо из этой семьи получил должность консула Чембало и на этом основании дополнил свой фамильный герб изображением креста — герба генуэзской коммуны. Такие случаи имели место в геральдической практике средневековья [23, с. 116].

Следует отметить еще одну интересную деталь, связанную с находкой лапидарного геральдического материала. Все движение в гербе и в его композиции должно быть устремлено вправо, и изображение обращено в правую сторону (т.е. от зрителя влево). Среди наших находок один из хищников на гербе изображендвигающимся влево, что требует пояснения. В труде Бартоло ди Сасоферато говорится следующее: «§ 33. Иногда же он [герб] изображается либо рисуется на стенах или других неподвижных предметах, и тогда... изображение либо более благородная часть герба должны быть на ней справа. Вышесказанное верно, если нет причины сделать иначе.

Что же, если посередине стены находится статуя государя, либо другого выдающегося лица, либо королевский герб? Тогда те гербы, которые рисуются с обеих сторон, должны быть обращены к этой статуе либо гербу как справа, так и слева, подобно тому, как три стоящих вокруг властелина человека обращены к нему» [18, с. 321]. Например, аналогичным образом размещен орел (герб генуэзского рода Дория) на мраморной плите из Амастры, поскольку центральную часть плиты занимает герб Генуи [19, р. 140, fig. 4; *ср.*: 20, с. 126]. Это же правило применялось при оформлении церковных алтарей и парадных входов. Отметим также, что находки из Чембало расширяют наши представления об использовании гербов в архитектуре. До сих пор генуэзская геральдика из Крыма была известна на надгробных плитах, закладных, строительных надписях, вмурованных в крепостные и храмовые стены, а также украшавших обрамления колодцев и водосборов [17, с. 3].

Таким образом, обнаруженные архитектурные детали (колонны, обкладка оконного проема, гербы) являлись, вероятно, частями декоративного оформления портала консульского замка. Именно таким образом можно объяснить, почему в одном случае лев на гербе повернут вправо, а в другом случае влево. Данные наблюдения позволяют, с известной долей осторожности, отнести чембальские находки, скорее всего, к 80–90-м гг. XIV в., до 1396 г., когда Генуя утратила самостоятельность (до 1409), оказавшись под властью французского короля Карла VI.

Как показывает стратиграфия раскопок внутренних помещений церкви, каменная вымостка пола была сооружена уже в «османский период» жизни Чембало. Как известно, во владениях Блистательной Порты запрещалось строить новые христианские храмы, но ремонтировать старые разрешалось. По всей видимости, христианская община Чембало после завоевания города турками восстановила церковь для своих нужд. Именно поэтому

Рис. 4. Архитектурная деталь с гербом

среди камней вымостки и стены, соединявшей пилоны, оказались строительные детали из заброшенного консульского замка и других сооружений [ср.: 6, с. 37].

В археологических напластованиях внутренних помещений консульской церкви были вскрыты многочисленные погребения. Предварительные результаты изучения антропологического материала позволяют выделить наиболее важные особенности погребений¹.

Интересен факт захоронения в апсиде, т. е. в алтарной части храма, что не допускалось христианскими канонами. Здесь, в могиле № 1, были выявлены три яруса грунтовых захоронений в гробах без инвентаря. Очевидно, что эти захоронения были самыми поздними и производились уже после прекращения функционирования храма как такового. Возможно, что в османский период район церкви был превращен христианским населением в кладбище. Аналогичные явления известны в средневековой истории Крыма [24, с. 42].

С внешней стороны к северо-восточной стене церкви примыкают два помещения. Одно из них (помещение № 1) со скромными размерами 2,1×1,5 м, сооруженное впритык к левому плечу апсиды, вероятно, было местом хранения даров. В примыкающем к нему помещении № 2 обнаружена могила № 2. Это каменный, прямоугольный в плане ящик (2,13×1,03×1,04 м), перекрывавшийся каменными плитами. В могиле выявлено три яруса захоронений без домовин (рис. 5). Если судить по черепам, здесь было погребено около 30 человек. Скелеты верхнего яруса сохранили относительный анатомический порядок. Костяки нижнего яруса разложились в прах. Костница использовалась на протяжении довольно продолжительного времени. Во время погребения останки предыдущих усопших складывались в углах могилы, затем она пополнялась новым покойником. Не исключено, что помещение № 2 являлось семейной погребальной капеллой для покровителей церкви (донаторов) и членов их семей. В пользу этого предположения свидетельствует предварительный анализ костей погребенных. Кости усопших сохранили следы болезней и аномалий, которые передаются по наследству. Следовательно, останки людей, погребенных в могиле 2, могли принадлежать родственникам.

Рис. 5. Могила 2 после завершения работ

¹ В настоящее время антропологический материал из консульской церкви в Чембало изучается специалистами в области палеопатологии, экспертами-криминалистами В. П. Смирновым (Севастополь) и Д. Ю. Пономаревым (Керчь).

Могила 21 была обнаружена на крутом склоне горы с внешней стороны северо-западной стены церкви (под предполагаемым порогом). Размеры могилы: длина — 2,7 м; ширина 1,05 м; глубина — от 0,2 до 0,8 м. Юго-западная стена могилы 21 была сдвинута и разрушена натечной землей. В качестве стен могилы использовался выступ скалы, нижние ряды кладки северо-западной стены церкви, а также остатки стены какого-то сооружения. Эта стена была трехслойной, двухлицевой (длина — 2,8 м; ширина — 0,65 м; высота — 0,25–0,8 м). Ее поверхность покрыта плотным и весьма прочным раствором хорошо заглаженной штукатурки. Состав штукатурки отличается от аналогичного строительного раствора, который использовался при строительстве консульской церкви. Заполнение могилы состояло из скелетов и отдельных костей людей, беспорядочно сброшенных в могилу. Изучение антропологического материала из могилы 21 еще не завершено.

Многочисленные захоронения (могилы 3–24) обнаружены во время изучения археологических напластований в центральной части храма и в притворе. По сути, в храме выявлено «поле погребений» в грунтовых могилах в домовинах и без них, причем с многократными впускными погребениями. В нескольких местах найдены скопления человеческих костей. Они возникли в результате очередного дозахоронения, когда кости предыдущего покойника сдвигались в сторону, для того чтобы положить очередного усопшего (рис. 6). Часть захоронений существенно пострадала во время перестройки церкви и возведения пилонов стен. Археологические слои 2 и 3 были насыщены человеческими костями, которые преобладали над другими категориями находок. Например, в могиле 7 было погребение мужчины 40–50 лет (рис. 7). Однако в заполнении могилы обнаружены отдельные кости еще 4 мужчин и 3 женщин зрелого возраста, а также 14 детей (1 новорожденный, 5 детей в возрасте 1–7 лет и 4 детей в возрасте более 7 лет). Подобная ситуация зафиксирована и во время раскопок других захоронений. В результате раскопок на участке «притвор» были обнаружены кости скелетов 88 индивидов, но только 11 скелетов сохранились в анатомическом порядке.

Рис. 6. Раскопки погребений в центральной части «Консульской церкви»

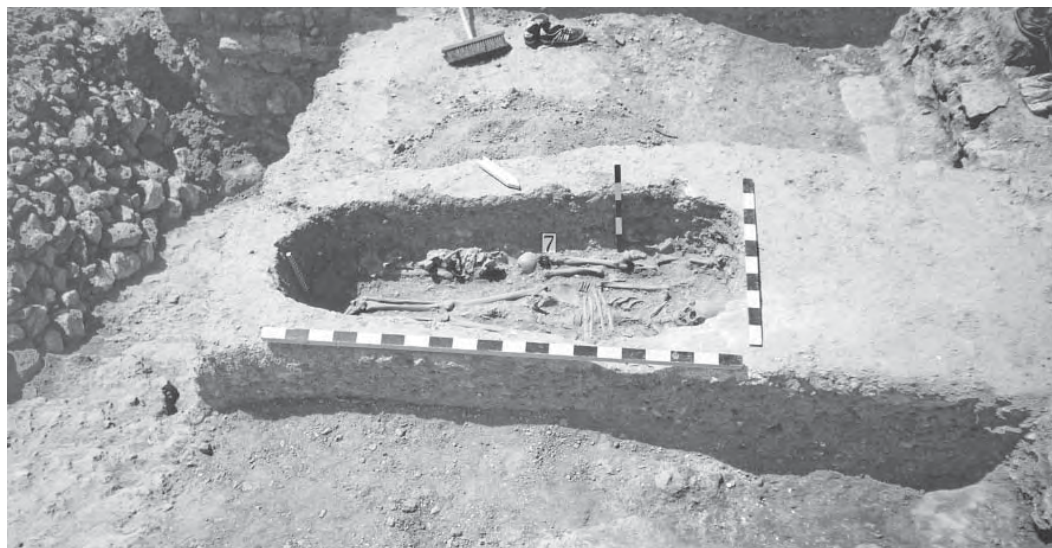

Рис. 7. Могила 7 во время раскопок

Результаты раскопок «Консульской церкви» могут служить убедительным подтверждением известного факта высокой детской смертности в средние века. Например, среди погребенных в условном «притворе» кости детей (до 14 лет) составили порядка 72,7 % от исследованных индивидов. Трижды зафиксированы случаи, когда останки ребенка лежали на женском скелете в положении «таз в таз». В основном погребении могилы № 8 в верхнем ярусе был погребен ребенок 3–6 месяцев, в нижнем ярусе ребенок 1,5–2,5 лет, а в заполнении могилы обнаружены останки ребенка 12–14 лет. В могиле № 9 найдены останки ребенка 6–9 месяцев, а в грунте, ее заполнявшем, — кости двух новорожденных, а также останки двух детей до года и ребенка 6–7 лет. Выявлено несколько захоронений человеческого плода 6–7 лунных месяцев. Следует также отметить, что детские захоронения в «кнаосе» и «притворе» располагались по периферии площади церкви, ближе к стенам и в углах помещения. Центральное положение в храме занимали могилы взрослых мужчин и женщин 30–50 лет. Антропометрия людей, погребенных в консульской церкви достаточно характерна для средневековья: рост женщин составил 154–156 см; а мужчин — 162–167 см. Однако имеем и яркие исключения. В центральной части храма обнаружены останки «трех богатырей» — мужчин 30–35 лет, рост которых достигал двух метров. По мнению специалистов, эти люди обладали большой мышечной массой и хорошо развитой мускулатурой. Можно допустить, что упомянутые останки принадлежали лицам из числа личной охраны консула. Так называемые оргузии упоминаются в Уставе для генуэзских колоний на Черном море [25, кн. II, гл. 5, ст. 12, с. 787].

Среди разнообразных артефактов, обнаруженных во время раскопок консульской церкви, решительно преобладают измельченные фрагменты амфор, столовой и кухонной керамики XIV–XV вв. Наличие среди находок византийских, трапезундских, европейских и восточных монет, местной и привозной посуды, в какой-то степени отражает торговое значение крепости Чембало.

Обычно христианские захоронения XIII–XV вв. не отличаются богатством и разнообразием погребального инвентаря. Однако, при общей относительной скромности погребального инвентаря, среди костяков в центральной части храма обнаружены находки, требующие особого внимания. Например, большой интерес представляет медицинский крючок из высокопробного серебра (длина — 5,8 см; толщина — 0,3 см). Сечение инструмента

квадратное, на конце утолщение и сквозная дырочка для продевания нити. Нижняя рабочая часть расплющена. В средней части стержня — цилиндрическое рифленое утолщение для упора пальца. Крючок очень похож на римские хирургические инструменты. В этом плане уместно вспомнить, что в Уставе для генуэзских колоний в Черном море 1449 г. среди служащих крепости упоминается цирюльник, вероятно, способный оказывать хирургическую помощь [25, кн. II, гл. 5, ст. 8, с. 786]. Не исключено, что врач-цирюльник, обслуживавший консульскую службу, был похоронен в церкви.

Среди костей одного из детей найдены четыре раковины «каури» (*Monetaria moneta*; район обитания — Индийский океан). Они были продольно распилены и носились в качестве своеобразных бус, видимо, выполняя функцию оберега. Судя по степени потертости, раковины использовались в качестве амулета довольно долго. Возможно, в качестве амулета использовался U-образной формы фрагмент благородного красного коралла (*Corallium rubrum*; регион распространения — Средиземное море; до 50 м)¹.

Среди находок следует также отметить бронзовые и серебряные пуговицы (в некоторых случаях с золотым напылением), нательные кресты, стеклянную иконку, браслеты, остатки золотого и серебряного шитья, серьги, кольца и перстни из меди, а также из белого и желтого металлов. Более 60 серебряных и бронзовых монет из заморских центров и далеких ордынских поселений Поволжья свидетельствуют о контактах обитателей Чембало с Византией, Трапезундом, Золотой Ордой, странами Европы и Средней Азии.

Таким образом, есть основания полагать, что уже в конце XIV в. церковь действительно входила в комплекс сооружений консульского замка и служила усыпальницей его для обитателей — представителей привилегированных слоев генуэзской колониальной администрации [26, с. 49]. Затем, после османского завоевания, церковь была перестроена, и для ее ремонта использовали строительный материал из построек предшествующего периода.

Постоянная внешнеполитическая напряженность в Причерноморье вынуждала италянцев вкладывать большие средства в укрепление Чембало. Военно-административную и судебную власть в крепости и колонии осуществлял консул, назначавшийся из Генуи. Консульская служба на задворках христианской средневековой цивилизации была трудной, но, вероятно, достаточно прибыльной. В секретном архиве Генуи сохранилась петиция, датированная 1437 г., в которой благородная матрона утверждает, что ее многодетный сын Баттиста Имперьяле отправился консулом в Чембало только из-за бедности и ради поддержания дома и семьи, хотя эта должность не соответствует его положению [2, с. 15, AS 3024 DF 4, № 241/29]. Жизнь среди православных греков, армян, иудеев и татар была сопряжена с определенным риском. Возможно, этими обстоятельствами, а также борьбой с коррупцией, процветавшей в колониальной администрации, объясняется ежегодная ротация консулов.

В Уставе для генуэзских колоний на Черном море от 1449 г. утверждается, что постоянную службу в крепости несли 40 наемных арбалетчиков-баллистариев. В состав гарнизона входили также два трубача, бомбардир, сторож-барабанщик и личная гвардия консула. «Гвардейцами», телохранителями, были четыре всадника, вероятно, из числа тюрок — наемников. По средневековым меркам это была внушительная военная сила. К тому же в годину опасности на крепостные стены поднимались и другие жители Чембало, способные носить оружие и заинтересованные в защите крепости: нотариус, полицейские, переводчик, знавший латынь, греческий и татарский языки, прочий народ, находившийся на жаловании генуэзской коммуны.

Особое внимание уделялось сооружению и поддержанию в боевой готовности фортификационных сооружений. В 2004 г. Объединенная экспедиция приступила к исследованию оборонительных сооружений консульского замка. Первым объектом

¹ Определение раковин и коралла выполнила заведующая отделом зоологии беспозвоночных Музея Природы Харьковского национального университета Е. В. Астахова.

исследования выбрана башня № 8, расположенная на крутом северном склоне г. Кастрон на высоте 57 м над уровнем моря (рис 8).

Башня № 8 возведена непосредственно на скальных выступах. Стены сложены из грубо обработанного, преимущественно местного камня прямоугольной и квадратной формы средних размеров (0,3×0,2; 0,4×0,25 м и т. п.). Камни кладки сложены с помощью густого известкового раствора, основу которого составляли известь, крупный песок и мелкие морские камушки. Острый северный угол башни придает ей форму прямоугольной трапеции. Толщина стен — 0,9–1,1 м. Толщина юго-восточной стены башни, обращенной внутрь крепости, составляет 0,6 м. Длина внутреннего помещения — 6,4 м. Ширина — 3,5 м. Площадь основания башни № 8 с учетом толщины стен составила 45 кв. м. Стены сооружения местами (в северном углу) сохранились на высоту до двух метров. Пол внутреннего помещения башни был покрыт плотным известковым раствором.

Анализ внутренних напластований и строительных остатков, материалов и строительных приемов, использовавшихся при сооружении башни № 8 и «Консульской церкви»,

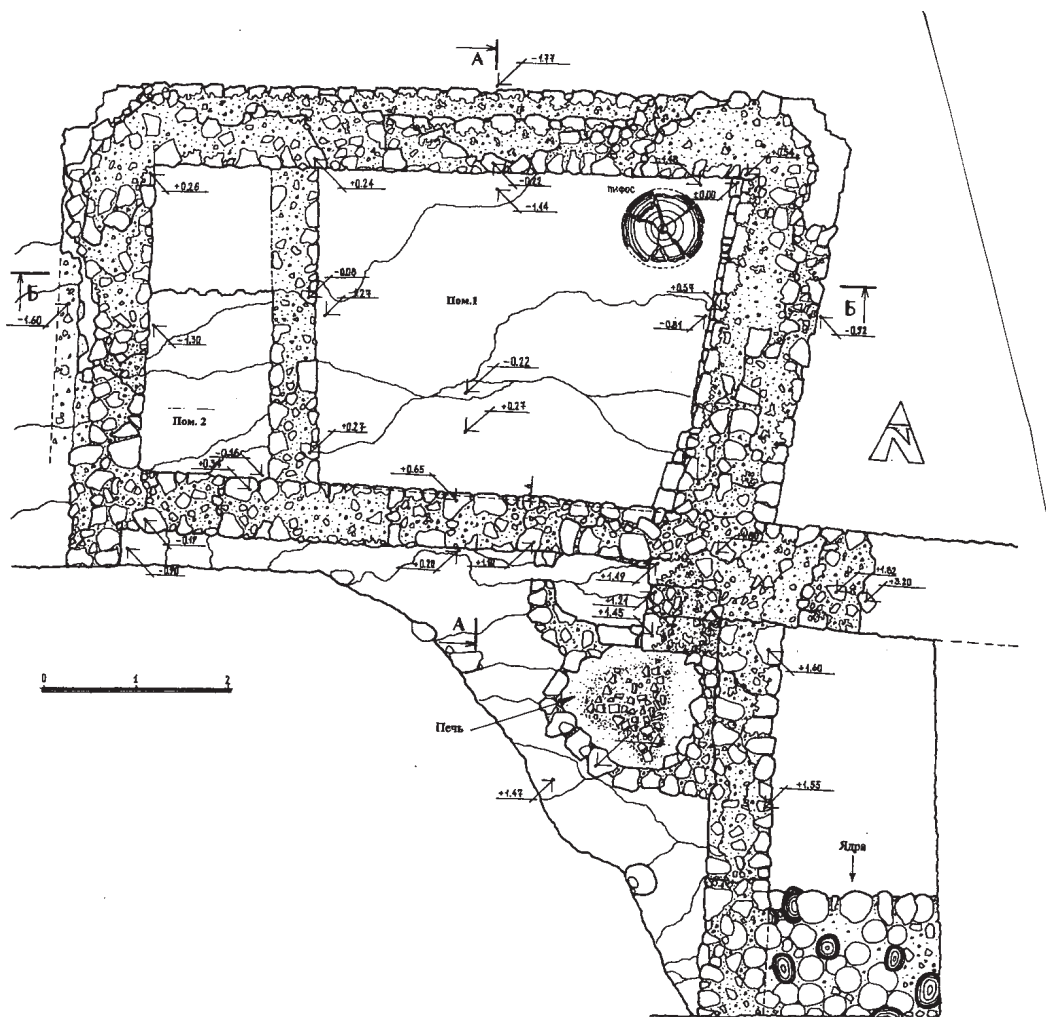

Рис. 8. Башня № 8 и участок А. План

указывает, как представляется, на единовременность первоначальной застройки этой части консульского замка. Башня № 8 была одноярусной. Она располагается на крутом северном склоне, а массивный скальный выступ, нависающий над тропой, проходящей внизу, являлся своеобразным продолжением стен башни.

Исследование слоев внутренних помещений башни и прилегающего к ней пространства позволило выделить два больших строительных периода: «генуэзский» и «османский».

Предварительные результаты раскопок показывают, что в XIV–XV вв. башня выполняла исключительно оборонительные функции, являясь частью внутреннего пояса фортификационных сооружений консульского замка. Очевидно, башня № 8 прикрывала сухопутные подходы к главному входу в замок, находившемуся с внутренней стороны Балаклавской бухты. К этому периоду истории башни относится фрагментарно сохранившийся плотный известковый пол толщиной до 5 см. В северном углу башни выявлена нижняя часть большого плоскостенного пифоса, датируемого XIII–XIV вв. Этот сосуд, вероятно, использовался для хранения запаса воды. В генуэзское время северная, восточная и западная стены башни были усилены дополнительным панцирем, что увеличило толщину стен с внешней стороны башни. В настоящее время этот слой кладки оказался наиболее уязвимым и во многих местах осыпался, что указывает на крайнюю необходимость скорейшей реставрации башни. Усиление стен башни, возможно, связано с последствиями уже упоминавшегося землетрясения 1423 г. или активным оборонительным строительством, развернувшимся во владениях генуэзцев накануне османского вторжения [27, с. 172–174].

Территория консульского замка имела хорошо продуманную систему водостоков. Вдоль южной стены башни № 8 обнаружен канал водостока, который самотеком отводил грязную воду за пределы замка. Водосток оборудовали в каменном желобе, проложенном вдоль стены башни. С внешней стороны восточного угла башни был сооружен ватерклозет, снабженный сливом и сифоном для сброса воды.

После захвата Чембало турками-османами функциональное назначение башни № 8 существенно изменилось. Башня подверглась перестройке, была сооружена каменная поперечная стена, разделившая внутреннюю площадь на две неравных части. Эта стена сохранилась на высоту до одного метра. В средней части стены сохранились следы порога. Вероятно, башня стала использоваться как хозяйственное помещение. В пользу этого предположения указывает тот факт, что на площадке вблизи башни (участок А) была обнаружена достаточно большая печь, сложенная из необработанного мелкого и среднего камня. Внутренний диаметр печи составил около 1,3 м. Пол печи выложен обломками стенок сосудов XIV–XV вв. Вероятно, печь использовалась для бытовых нужд жителя Чембало во времена после турецкого завоевания, когда территория консульского замка утратила военное значение.

Раскопками 2004–2005 гг. на участке Б за оборонительной стеной примыкавшей к башне № 8 обнаружен «ядерный запас» крепости (рис. 9). Каменные ядра шаровидной и яйцевидной формы в османский период были уложены в кладку двух стен и скреплены глинистым раствором между собой и другими камнями кладки. Визуально наблюдается более 90 ядер. Диаметр ядер колеблется в пределах 0,26–0,42 м. Для Крыма данная находка уникальна, поскольку ядра такой мощности и в таком количестве обнаружены впервые [5, с. 54–55; 6, с. 54; 27, с. 157, рис. 23; 28, с. 341–358]. Снаряды выполнены из местного мелко околотого камня либо подобраны морские камни округлой или яйцевидной формы. Некоторые снаряды изготовлены из барабанов мраморных колонн. Форма ядер и материал, из которого они выполнены, не оставляют сомнения, что они предназначались для использования в качестве снарядов большой метательной машины. Можно предположить, что с северной стороны замка, за оборонительными стенами, была оборудована площадка для установки метательной машины типа требюше или баллисты, которые, наряду с огнестрельной артиллерией, использовались до XV в. включительно. Вероятно, мощность метательной машины позволяла

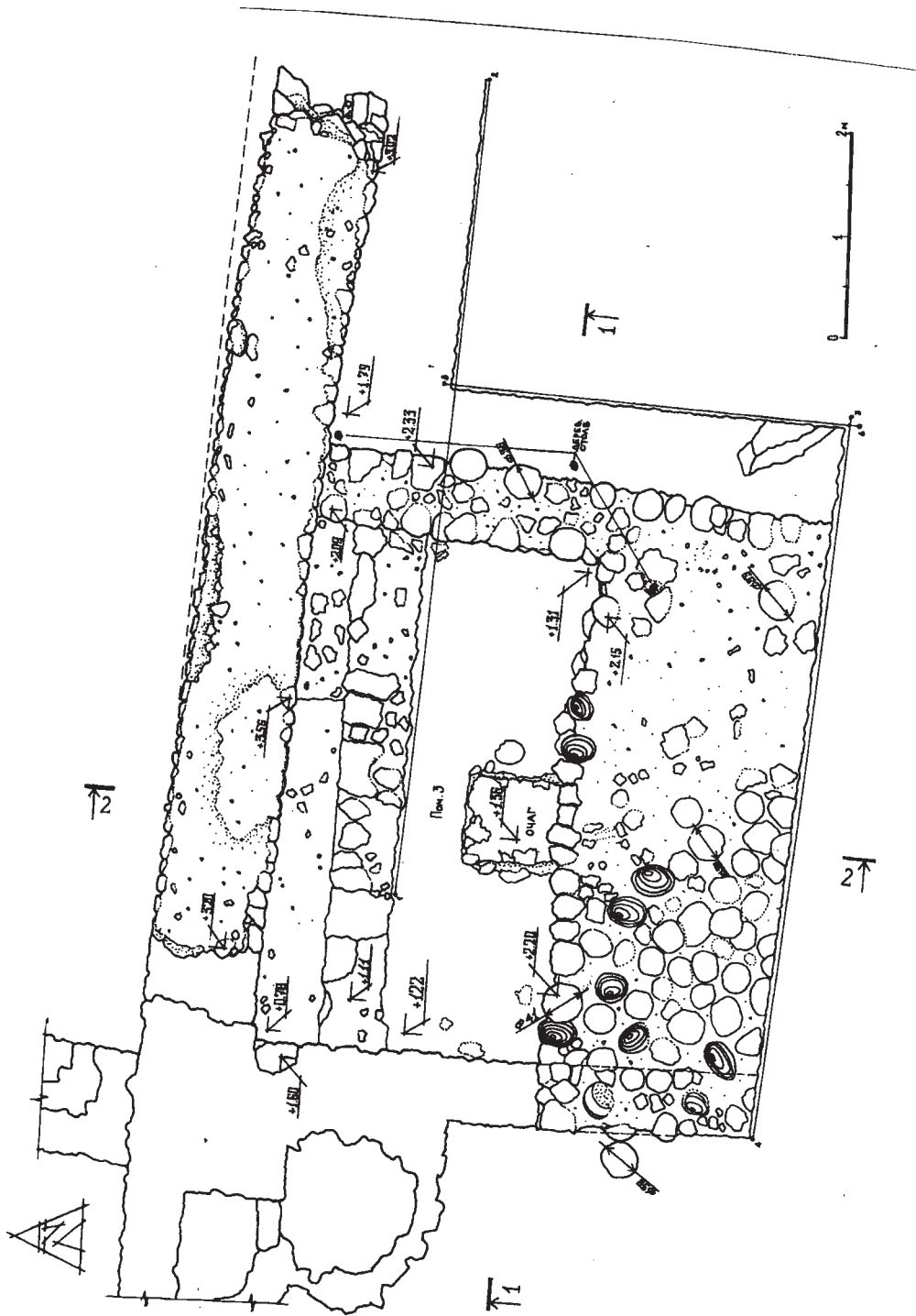

Рис. 9. Участок Б и помещение 3. План

доставлять ядра до акватории бухты, как раз в те места, где парусным и гребным судам приходилось выполнять сложные маневры, значительно замедляя ход.

В «турецкое время» ядра использовали в качестве вторичного строительного материала для сооружения ограды небольшого помещения с деревянным навесом и крепезной стеной. К сожалению, пока в полной мере исследовать этот чрезвычайно интересный комплекс не удалось. Дальнейшие исследования участка Б и метательных снарядов позволят получить новые данные, касающиеся фортификационной истории крепости Чембало.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фоменко И. К.* Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. Вып. 5. — М.; СПб., 2001.
2. *Карпов С. П.* Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. — М.; СПб., 1998.
3. *Карпов С. П.* Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. — М., 1994.
4. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. — СПб.; Симферополь, 2003.
5. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. — СПб.; Симферополь, 2004.
6. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. — СПб.; Симферополь, 2005.
7. *Алексеев Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках «Консульской церкви» на территории Чембало в 2001 году // Научный архив НЗХТ. — Д, № 3559.
8. *Кирилко В. П.* Середньовічне укріплення Фуна XV століття: комплексне архітектурно-археологічне дослідження фортифікаційної структури пам'ятки. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2002.
9. *Чиперис А. М.* К истории Чембальского восстания // Учен. зап. Туркмен. гос. унта. — Ашхабад, 1961. — Вып. 19.
10. *Альберти Л.-Б.* Десять книг об архитектуре / Пер. В. П. Зубова. — М., 1935.
11. *Степанов А. Ю., Степанова Е. П.* Отчет о реставрационной работе // Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. — СПб.; Симферополь, 2005.
12. *Алексеев Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Раскопки «Консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2000 году // Научный архив ОНЗХТ. — Д, № 3496.
13. *Дьячков С. В.* «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. трудов. — К., 2004.
14. *Культура Византии: вторая половина VII–XII в.* — М., 1989.
15. *Мартиндейл Э.* Готика. — М., 2001.
16. *Домбровский О., Сидоренко В.* Солхат и Сурб-Хач. — Симферополь, 1978.
17. *Ярочная Е. А.* Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам Кафы, Солдайи и Чембало (XIV–I треть XVI в.). — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004.
18. *Черных А. П.* Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // Средние века. — 1989. — Вып. 52.
19. *Hasluck F. M.* Genoese Heraldry and Inscriptions at Amastra // The Annual of the British School at Athens. — 1910–1911. — No. XVII.

20. Яровая Е. А. Строительная плита 1407 года из Самастро: к вопросу о геральдике // Нумизматический сборник. 2003. — СПб., 2003.
21. Skrzinska E. Inskriptions latines des colonies génoises en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della societa Ligure di storia Patria. — Genova, 1928.
22. Яровая Е. А. Геральдика на закладных плитах из генуэзских колоний XIV–XV вв. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тез. докл. — СПб., 2000.
23. Черных А. П. «Древо битв» как источник по истории геральдики // Труды Государственного исторического музея. — Вып. 125. — М., 2001.
24. Бармина Н. И. Раскопки Мангупской базилики // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. — Симферополь, 1997.
25. Юревич В. Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1863. — Т. 5.
26. Карпов С. На берегу «Великого» моря. Итальянские фактории в Причерноморье // Родина. — 2003. — № 11.
27. Мыц В. А. Генуэзская Луста и Капитанство Готии // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. — К., 2002.
28. Карлов С. В. Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. — Симферополь, 1997.

Summary

S. Dyachkov. Archeological Research of Genoese Fortress Chembalo in 2000–2005

The article is devoted to preliminary total of excavations of «The consular church» and tower № 8 of Genoese fortress Chembalo (Balaklava). The church was located on the territory of the consular castle. During the excavations it was established that in the 14–15th centuries the church was used by inhabitants as a burial vault. When Chembalo was conquered by Ottoman Turks in 1475 the church was reconstructed and used by the Christian community of the town. The article gives short description of architectural details of the consular castle that were discovered during the excavations. The author characterizes features of the burial place in the church and some findings requiring special research. Excavation of tower № 8 and adjoining area gives reason to believe that the tower covered land approaches to the consular castle. After 1475 the construction was used by town dwellers for household purposes. Reserves of big stone shots found near the tower provide interesting information about the use of powerful missile weapon in the defences of the Genoese fortress.

